

Т. А. Колева

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ОБЫЧАЕВ

(НА БОЛГАРСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Настоящая работа — лишь скромный опыт рассмотрения в самом общем плане обычаев и обрядов как составной части болгарской народной культуры.

Мы, разумеется, не ставим перед собой цели дать развернутую теорию развития обычаев и обрядов, а рассматриваем лишь некоторые вопросы, относящиеся к происхождению, историческому развитию, психологическому и эмоционально-эстетическому содержанию и месту обычаев и обрядов в народной традиции и культурном наследии.

В работе сделана попытка применения структурного метода и теории систем, а также попытка представить обычаи как систему, подчиняющуюся не только общим тенденциям их развития в определенный исторический период, но и внутренним закономерностям самой структуры обычаев и обрядов¹.

Народная культура, одно из сложных и многообразных явлений в культурно-исторической жизни болгар, непрерывно развивается, обогащается и изменяется, сохраняя при этом лучшие образцы народного творческого гения. Она включает в себя разнообразные обычаи, многие из которых сыграли и продолжают играть положительную роль в быту человека. Народные обычаи и обряды — это зеркало, неповторимым образом отражающее духовную сущность болгарского народа, его мироощущение и мировоззрение в разные периоды общественного и культурного развития. Обычаи и обряды своеобразно раскрывают те сложные и глубокие процессы адаптации, интеграции, взаимосвязей и взаимовлияний, происходивших между славянами, фракийцами и протоболгарами, в результате которых формировалась болгарская народная культура; истории ее изучения посвящена большая литература².

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20; Б. Дяков, Дифференциация и интеграция на научното познание, «Ново време», София, 1967, кн. 3, стр. 25—35; К. Квасневский, Структурально-статистический метод в исследовании современной народной культуры, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 110—114; Зб. Ясевич, Исследование социальной и культурной интеграции на западных и северных польских землях, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 67—68; К. Kwasiński, Adaptacja i integracja kulturowa ludności Śląska po II wojnie światowej, Opole, 1966, s. 324; J. Burszta, Przegląd i perspektywę badań etnograficznych na Pomorzu Zachodnim, «Lud», 1965, t. XLIX, s. 517—540.

² Н. Мизов, Празниците като обществено явление, София, 1966, стр. 197; В. Бешевлиев, Няколко бележки към българската история, София, 1936, стр. 19—27; Хр. Вакарелски, Старинните елементи в българските народни обичаи, сб. «През вековете», София, 1938, стр. 246—281; П. Чилев, Антични следи в празника Еньов-вековете», София, 1938, стр. 246—281; П. Чилев, Антични следи в празника Еньов-ден у балканските наради, «Известия на народния Етнографски музей» (далее ИНЕМ), София, 1921, 1, кн. 3/4, стр. 181—196; М. Арнаудов, Произход и смисъл на българските народни обичаи, «Прелом», София, 1923, 11, стр. 509—517; его же, Буянец. Из историята на пролетните обичаи и песни в България, «Slavia», 1, 1922/1923, стр. 99—119; его же, Тракийският Герман. (Из историята на българските народни обичаи), сб. «Векове», София, 1931, 1, кн. 3, стр. 40—41; Т. Д. Златковская, О происхождении некоторых элементов кукуерского обряда у болгар, «Сов. этнография», 1967, № 3,

История культуры свидетельствует о том, что народные обычаи, обряды и праздники сопутствуют истории всякого народа еще с глубокой древности, что они — плод всей его жизни и творчества.

Обычаи и обряды возникали в первобытности как целенаправленная деятельность человека при низком уровне развития производительных сил и соответствующих им примитивных общественных отношениях, на основе примитивного общественного сознания и примитивной конкретной формы мышления. Эта деятельность была чрезвычайно упрощенной, с самым конкретным предназначением, была направлена исключительно на продолжение рода, обеспечение существования и сохранение жизни. Но с развитием производительных сил, с изменением общественных отношений, с развитием человеческого мышления до уровня способности к абстрагированию и оперированию абстракциями, с обогащением и расширением человеческого знания, с восприятием окружающего мира через призму нового мироощущения, с изменением социально-бытовой и культурно-исторической среды эта каждодневная деятельность становится все более сложной и на ее основе складываются навыки и привычки, позднее превращающиеся в обычаи и обряды. Обычаи становятся обязательными для определенного трудового и общественного коллектива вследствие их объединяющей роли, которую они играют в жизни человека как члена общества. Постепенно они превращаются в систему духовных проявлений народа. Это — закономерный продукт общественного развития, возникновение и историческая неизбежность которого коренится прежде всего в нуждах человека как общественного существа.

Народные обычаи всегда проявляли себя в конкретной среде их носителей и исполнителей и всегда были не абстрактными, а конкретными бытовыми явлениями. Именно поэтому в любую эпоху они имели конкретные функции, связанные со всем народным бытом.

История обычаев показывает постоянное их развитие от простого к сложному, обусловленное множеством факторов, прежде всего определенной ролью обычаев в отдельных сферах жизни человека. В этнической истории болгарского народа взаимная адаптация обычаев и обрядов различных этнических групп была первым этапом продолжительной культурной интеграции этих групп. Интеграция, сопутствовавшая этническому сложению болгарской народности, приводила к тому, что из различных элементов складывались собственно болгарские обряды и обычаи³. Такие процессы могут, однако, совершаться лишь при определенных условиях. Необходимо, чтобы те обычаи или их отдельные элементы, которые интегрируются, были бы аналогичными по своей функции, содержанию и до известной степени по форме, чтобы они соответствовали социально-бытовой и естественно-географической среде и, что самое важное, — мировоззренческому уровню их носителей и исполнителей.

Однако и этого недостаточно. Всякая социально-экономическая эпоха изменяет жизнь народа, но не уничтожает созданных им культурных ценностей, в том числе и духовных. Жизнь всякого поколения протекает в определенных бытовых рамках, в пределах которых возникают новые,

стр. 31—46; Р. Богданов, Джамалски, празник в с. Чаушкьой, «Известия на Варненското археологическо дружество», Варна, 1909, II, стр. 75—76; Г. Кацаров, Народни поверия от древно и ново време, «Сб. в чест на Анастас Иширков», «Известия на географското дружество», София, 1935, I, стр. 191—196; В. Бешевлиев, Гръцки и латински извори за вярата на прабългарите, ИИЕМ, София, 1929, кв. VIII—IX, стр. 149—176; Ив. Дуйчев, Славяно-болгарские древности IX века, «Byzantinoslavica», XI, I, 1950, стр. 6—31; его же, Еще о славяно-болгарских древностях IX века, «Byzantinoslavica», XII, 1951, стр. 75—93.

³ Например, весенний болгарский обычай «Кукеры» связан с фракийским культом Дионисий, а «Коледование» — обычай, в котором интегрированы элементы античного мира.

непосредственно соответствующие им формы, новое поведение, новые навыки и привычки. Вновь возникающие в каждом конкретном случае обычаи и обряды входят в уже сформировавшуюся систему обычаев и также становятся обязательными для членов коллектива. Эти процессы могут быть прослежены во всех обычаях: семейных, трудовых и более всего в праздничной обрядовой системе⁴.

Историческое развитие обычаев сопровождается их селекцией. Она проявляется в отмирании отдельных элементов, вступающих в противоречие с мировоззрением коллектива людей, которые их исполняют. Поэтому было бы неправильно считать, что можно восстановить самую древнюю форму обычая. Правда, отдельные элементы, чаще всего те, которые связаны с магическими представлениями, могут сохраниться как реликты, но никогда не сохраняются обычай или система обычаев в целом, так как они подвержены непрерывному движению и изменению, будучи непосредственно связаны с развитием общества.

В истории обычаев и обрядов наблюдается интересный процесс, выражающийся в свободном, на первый взгляд, наложении нового содержания на старое. Однако этот процесс подчиняется внутренней закономерности, обусловленной динамической связью между отдельными элементами обычаев в их развитии и сменой поколений — носителей этих обычаев.

Пока обычай выполнял свою функцию в хозяйственной, общественной и религиозной жизни людей, пока от его исполнения зависели, по распространенному тогда убеждению, будущее человека, его успехи, урожай, пока он исполнялся большим коллективом людей — он был подвержен изменениям относительно слабо. Когда обычай переставал выполнять свою роль в быту людей, он подвергался более сильным изменениям и постепенно выпадал из системы обычаев⁵.

Одна из характернейших функций обычаев на протяжении их истории заключалась в том, чтобы поставить человека в определенную взаимосвязь с семейным и сельским коллективом, закрепить определенные нормы и правила поведения, представить коллектив как единое целое, дать руководство в трудовой деятельности⁶. Нередко сосуществуют одинаковые по функции, но разные по форме обычаи⁷.

С течением времени обычаи переосмысливаются, что особенно заметно в календарных обычаях и обрядах. Этот процесс можно объяснить тем, что каждое поколение, как носитель нового мировоззрения и вооруженное большими знаниями о природных и общественных явлениях, старается дать обычаям новое объяснение. Первоначальный смысл начинает забываться, и обряды связываются с другими причинами или праздниками, имеющими близкое содержание. Этот процесс затрагивает и все магические действия, благодаря чему они сохраняются и в христианское время⁸.

⁴ М. Арнаудов, Кукери и русалии, «Сб. за народни умотворения и народопис» (далее СБНУ), кн. XXXIV, София, 1920, стр. 345; его же, Очерки по българския фолклор, София, 1934, стр. 695; его же, Студии върху българските обреди и легенди, София, 1924, ч. 1—11, стр. 548; Chr. Wakarelski, Etnografia Bułgarii, Wrocław, 1965, s. 280—308; J. Klimaszewska, Zakazy magiczne związane z rokiem obrzędowym w Polsce, «Etnografia Polska», 1961, кн. IV, s. 109—140.

⁵ J. Klimaszewska, Указ. раб., стр. 110.

⁶ В. И. Чичеров, Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, 1967, т. XI, стр. 10; D. Markowska, Rodzina w środowisku wiejskim, Wrocław, 1964, s. 143—178.

⁷ K. Zawistowicz-Adamska, La région dans la recherche ethnographique, sb. «La Pologne au VIIe congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques», Wrocław, 1964, s. 194—198.

⁸ С. А. Токарев, Сущность и происхождение магии, «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, 1959, LI, стр. 7—9; K. Moszyński, O źródłach magii i religii, «Przebieg Filozoficzny», 1925, t. 28, s. 239—251.

Один из ярких примеров этого — адаптация христианством языческой обрядности у болгар, что проявляется как в календарных праздниках, так и в семейных обычаях⁹.

Обычно элементы христианского культа исполнялись до известной степени вместе с обычаями дохристианского происхождения. Это наблюдается как в календарных праздниках (Игнатов день, Рождество, Богоявление, Пасха, Георгиев день и др.), так и в семейных — свадебной и погребальной обрядности¹⁰. Христианские элементы не затмили аграрной магической обрядности ни в народном календаре, ни в семейных обычаях.

Важным вопросом исторического развития обычаев и обрядов является их классовое значение. Было бы неправильно искать классовую специфику во всех обычаях. Это приводит в известной степени к односторонности при исследовании обычаев, к неправильному пониманию их общественной роли. Многие из них, возникшие еще в бесклассовом обществе, были обязательными нормами поведения для всех членов общества, хотя впоследствии часть их была поставлена на службу господствующему классу. В классовом обществе в разные исторические эпохи создаются обычаи и обряды с ясно выраженными классовыми чертами¹¹. В ходе исторического развития разные по своему происхождению обычаи смешиваются и образуют единую систему, которая в общих чертах продолжает быть обязательной для всех членов общества.

К этому следует добавить, что в отдельные исторические эпохи, особенно в период турецкого ига, классовые различия и противоречия в болгарском обществе нередко отступали на задний план в интересах общенародного сопротивления иностранным поработителям, и это вело к затушевыванию классовой сущности ряда обычаев и обрядов. Тысячелетняя история болгар хорошо показывает эту объединяющую функцию обычаев в духовной жизни народа.

Обычаи были одним из важнейших факторов сохранения болгарской народности, национального самосознания болгар. Они своеобразно раскрывают бытовые и духовные особенности народа. Эту особенность народных обычаев и праздников уловил еще в XIX в. Христо Ботев¹².

Положительная роль обычаев и связанных с ними праздников в охране народного быта и народной культуры, в свою очередь, объясняет сохранение их самих, развитие и передачу их от поколения к поколению.

Другой важной стороной обычаев в их историческом развитии является особое значение, которое они имеют в сплочении человеческих коллективов, общественных групп со специфической социально-бытовой окраской. Они ставят человека в определенные взаимоотношения с теми или иными коллективами — родственными, соседскими, сельскими. Это способствует устойчивости самих обычаев, их массовости и обязательности для коллектива. Особенно сильно это проявляется в свадебных и погребальных обычаях, а также и в календарных праздни-

⁹ М. Арнаудов. Българско народно творчество, София, 1962, т. V, стр. 5—14; его же, Очерки по българския фолклор, стр. 486—528; W. Klingner, Doroczne święta a tradycje greckio-rzymskie, Kraków, 1931, s. 107—135; S. Poniański, Mahawrata, Metoda badania genezy wytworów kulturowych w etnologii, «Lud», Wrocław, 1946, t. XXXVI, s. 119; C. Zibrí, Staročeske, výroční obyčeje, Praha, 1889, s. 67—89.

¹⁰ М. Я. Грынблат, Некоторая пытанні развіццях духоўнай культуры беларускай народнасці у яе адносінах да хрысціянства, Минск, 1967, стр. 56—57; J. Klimaszewska, Указ. раб., стр. 115—124.

¹¹ Примером в этом отношении может послужить один из свадебных обычаев, заключающийся в том, что невеста готовила «приданое» (чеиз), которое во время свадьбы отвозили в дом к мужу. Еще один обычай, «зестра», возник в капиталистическую эпоху. Суть его состоит в том, что отец невесты дарил своей дочери поле, корову, виноградник.

¹² Хр. Ботев, Събрани съчинения, София, 1958, т. I, стр. 327—328

ках — Рождество, Новый год, Атанасов день, Трифон Зарезан, Кукеров день, Лазарование, Энев день и др.¹³

Обычаи и обряды отличаются большой устойчивостью во времени, что связано прежде всего с возникновением некоего механизма, или стереотипа, характерного для определенной естественно-географической, социально-бытовой и культурно-исторической среды. Их развитие в пространстве определяется теми же причинами, но рассматриваемыми в другом аспекте, особенно если к этому прибавить характерную взаимосвязь и взаимовлияние с соседними народами.

Важное значение в сохранении обычаев и обрядов как специфических, социально-бытовых и психологических явлений имела и имеет этническая традиция, т. е. длительное сохранение определенных навыков и представлений, созданных в жизни народа в предшествующие периоды его истории¹⁴. Во всех областях быта и культуры данного народа еще с глубокой древности создавалась и создается традиция, массовое повторение обязательных для данного коллектива форм поведения, навыков и понятий, которые могут в определенных границах пресуществовать столетия или тысячелетия и которые превращались в психические стереотипы. Из-за длительного повторения и воспитания этих форм поведения, навыков и пр. человеческое мышление и деятельность свыкаются с ними до такой степени, что при малейшей затрате умственной и нервной энергии они быстро и легко воспроизводятся. В этом сложном процессе особое значение имеют две основные стороны общественного сознания — идеологическая и психологическая, благодаря которым данный человеческий коллектив вырабатывает и накапливает специфическую идеологическую и психическую защиту созданных стереотипов.

Люди вырабатывают определенные рациональные и иррациональные убеждения и находят, что эти формы поведения, повторяющиеся навыки и привычки, а также мышление имеют глубокую основу, что они целенаправлены, подкреплены и доказаны вековой практикой и что они отвечают материальным и духовным потребностям человека. Старое поколение, носитель и исполнитель этих стереотипов, в процессе общения с молодым поколением передает свой трудовой опыт и навыки и воспитывает молодежь в усвоении и сохранении стереотипов. Так человек в тысячелетней своей истории создавал традицию, которая лежит в основе народной культуры, обычаев и обрядов.

Усвоение и сохранение традиций молодым поколением осуществлялось как в семейном коллективе, так и в локальной общественной группе несколькими способами: передачей предыдущим поколением народного мировоззрения, знаний, навыков и привычек; вовлечением подрастающего поколения еще с детских лет в трудовой процесс, во время которого передаются трудовые навыки и связанные с ними обрядовые магические действия; силой авторитета старших. В более отдаленном прошлом вследствие сравнительно ограниченных знаний и, отсюда, узкого кругозора, вследствие известной естественно-географической, экономической и культурной изоляции отдельных коллективов освоение созданных ценностей приводило к относительно точному воспроизведению традиционных обычаев и обрядов, с очень незначительными изменениями, не отражавшимися на их содержании, функции и форме. Однако,

¹³ М. Арнаудов, Българско народно творчество, т. V, стр. 16—60; его же, Български народни празници, София, 1943, стр. 24—50; Хр. Вакарелски, Българските празнични обичаи, София, 1943, стр. 3—28; П. Динев, Български фолклор, София, 1959, стр. 306—308; П. Петров, Кукери в Пъдарево, Бургаско, СБНУ, София, 1963, кн. XL, стр. 346—368; Т. Д. Златковская, Указ. раб., стр. 31—46; Д. Маринов, Кукови или кукери, ИНЕМ, София, 1907, кн. 1, стр. 21—28; М. Арнаудов, Кукери и русалии, стр. 69—98; J. Hulzinga, Homo ludens. Zabawa jako źródło kultury, Warszawa, 1967, s. 154—172.

¹⁴ С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3, стр. 12—36.

как мы уже говорили, традиция никогда не воспринимается в какой-то застывшей, абстрактной форме, сохранившейся от глубокой древности, а претерпевает определенные изменения в зависимости от степени активности каждого нового поколения в усвоении этой традиции.

Интересно отметить, что молодое поколение воспринимает традицию двояко: активно и пассивно. Активное восприятие связано с известной переоценкой некоторых традиционных элементов, которые противостоят новому мировоззрению и не удовлетворяют новым материальным и духовным потребностям. Пассивное состоит в том, что определенные традиционные элементы, чаще всего связанные с магическими верованиями и обычаями, воспринимаются неизменными.

Эти два способа восприятия не находятся в противоречии с тезисом о том, что обряды и обычаи, с одной стороны, устойчивы, а с другой, — подвержены непрерывному развитию и изменению, определенному отбору, который диктуется отношением младшего поколения к унаследованной от старших культуре. В этом продолжающемся развитии, в этом отмирании и исчезновении старых элементов и возникновении новых можно открыть взаимодействие и закономерность, которая сохраняет единство системы обычаев и их функции.

Динамика процесса сохранения традиционных обычаев и обрядов обуславливается определенной исторической основой, пространственными этническими взаимосвязями и классовой основой¹⁵. Следует также иметь в виду условия быта данной общественной группы, которые изменяются с течением времени в неравномерном темпе.

Исторической основой сохранения традиционных обычаев является непрерывная и закономерная преемственность созданных культурных ценностей, характерная для всякой социально-экономической формации. Передаваемые путем активного общения разных поколений эти ценности оказывают значительное влияние на жизнь народа.

Пространственные взаимосвязи тоже играют роль в сохранении традиций. В связи с проблемой этнических взаимосвязей встает вопрос о пространственном размещении традиционных обычаев, о роли географической среды, о различиях в традициях разных коллективов, сел, этнографических областей. Разумеется, речь идет здесь не о каких-то коренных различиях, в особенности когда носителями традиций являются люди, имеющие одинаковое этническое происхождение. Наблюдения показывают, что у крупных и мелких групп обнаруживаются общие черты традиционных обычаев. Однако продолжительность сохранения традиции и степень их распада и отмирания на этнически однородной территории могут быть неодинаковыми, в зависимости от различий природной, социально-бытовой и культурно-исторической среды. Это приводит к большей или меньшей изоляции данных коллективов и отсюда — к различному их отношению к традиции¹⁶.

Особого внимания заслуживает изучение традиций в этнически пограничных районах. Там их развитие происходит по-разному. В пограничных районах этнически родственных народов в обычаях и обрядах, имеющих общую культурную основу, наблюдается известная диффузия традиционных элементов, которая усиливается, если естественно-географическая и социально-экономическая среда в обоих этнических районах аналогична¹⁷. Подобные явления наблюдаются в западных пограничных

¹⁵ К. Dobrowolski, *Studia nad teorią kultury ludowej*, «*Etnografia Polska*», 1961, t. IV, s. 16—17, 44—48; «*The Evolution and Survival Primitive*», Cambridge, 1913, p. 89—93; А. van Геннеп, *Manuel de folklor français contemporain*, Paris, 1943, t. I, p. 7—15.

¹⁶ К. Dobrowolski, Указ. раб., стр. 28—38; К. Zawistowicz-Adamska, Указ. раб., стр. 189.

¹⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, *Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области*, «Соз. этнография», 1955, № 4.

районах Болгарии и восточных районах Югославии. Создается пояс деформации, где в традиции много общих элементов как по содержанию, функции и форме, так и по структуре¹⁸.

Иначе развивается традиция в пограничных районах с этнически разнородным населением, где у каждого народа наблюдается более продолжительное сохранение традиционных обычаев и обрядов. Здесь также возможна известная диффузия, но в более слабой степени, и незначительная общность терминологии¹⁹.

В этой связи интересно отметить роль миграции в развитии и сохранении традиции этнографически однородных или смешанных коллективов.

Миграция больших групп населения с однородной культурой на новую территорию, коренное население которой является носителем иной традиции,— фактор, способствующий вначале изоляции переселенцев²⁰. Это обуславливает сохранение собственной традиции до того момента, когда начинается активное общение между этими двумя группами населения; такое общение ведет к взаимовлиянию традиций двух групп и к постепенному распаду традиций.

Но когда переселенцы живут не компактно, а разбросанно и составляют лишь незначительную часть местного населения, традиционные обычаи начинают распадаться сравнительно быстро. Этот процесс в известном смысле двойственный: с одной стороны, попав в иную естественно-географическую и бытовую среду, многие традиционные элементы в обычаях отмирают, не замещаясь при этом по содержанию и функции элементами обычаев старожилов, с другой стороны, происходит интегрирование отдельных элементов системы обычаев местной группы, отвечающих новым бытовым условиям пришлого населения²¹. Эта двойственность свидетельствует о непрерывном развитии, изменении и постепенном распаде традиций, что представляет собой характерный этнический процесс²².

Вопрос о традиции как процессе преемственности имеет очень важное значение²². Поколения, которые входят в жизнь, по-своему переживают и воспринимают культурное наследие. В зависимости от своих новых конкретных материальных и духовных потребностей люди могут изменять интерпретацию традиционных обычаев, не изменяя их содержания, функции и структуры. Но точно таким же образом новое поколение (в силу общей исторической закономерности развития) может отбрасывать некоторые элементы обычаев или даже обычаи в целом, если они вступают в противоречие с новым мировоззрением, накопленными знаниями и опытом. Оно может создать новые культурные ценности, которые не имеют еще характера традиции, но постепенно превращаются в таковые. Вследствие этого традиция в период жизни каждого поколения состоит из целиком унаследованных, переработанных и заново созданных элементов, подчиненных своей внутренней закономерности.

¹⁸ М. Арнаудов, Български народни празници, стр. 24—50; Хр. Вакарелски, Българските празнични обичаи, стр. 3—28; И. Захариев, Кюстендилската котловина, София, 1963, стр. 390—392; П. Костић, Новогодишни обичаји у Ресави, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1966, кн. XXVIII—XXIX, стр. 191—218.

¹⁹ Архив на Етнографския институт и музей, инв. № 396—11, стр. 1—9, 62—70, 192—202, 398—417.

²⁰ Т. А. Колева, Към въпроса за интеграцията на семейните обичаи в новообразуваните селища в Благоевградско, «Известия на българското историческо дружество», София, 1967, кн. XX, стр. 129—149.

²¹ J. Pawłowska, Przemiany społeczne i kulturowe w dolnośląskiej wsi Pracze, w powiecie Milickim w latach 1945—1960, «Lud», Wrocław, 1965, t. XLIX, cz. II, s. 517—616, 620—637.

²² Т. А. Колева, Указ. раб., стр. 133, 136, 148.

²³ В. В. Пименов, О некоторых закономерностях в развитии культуры, «Сов. этнография», 1967, 2, стр. 3—14; С. И. Каган, Лекции по марксистско-ленинска естетика, София, 1967, ч. III, стр. 163—165.

В этом и заключается общий закон традиции. Многие традиционные элементы теряют свою устойчивость вместе с уходом старшего поколения из жизни. Одновременно с этим, однако, выделяются доминирующие элементы, которые придают специфическую окраску традициям данного периода. Но появляются и такие элементы, которые вначале не доминируют, однако входят в структуру обычаев и определяют их будущую систему²⁴.

Важным фактором в изменении традиций является характер их передачи. С ограниченной возможностью передачи традиционных обычаев, с созданием новых элементов активным поколением связан и вопрос об унаследовании этих элементов. Не все, что создает активное в данный период времени поколение, входит в культурный резерв следующего поколения. Исчезает то, что имело относительно преходящий характер, что не было объективно воспринято в течение жизни этого поколения какой-то большой группой людей, что не получило отражения в поступках, поведении и мышлении людей, не стало стереотипно повторяющимся элементом. Традиционные обычаи и обряды наследуются тогда, когда стереотипы жизненны, когда они обусловлены в социально-бытовом и в культурно-историческом отношениях. Но нередко наблюдается унаследование и таких традиционных элементов, стереотипы которых уже нарушены и находятся в процессе распада.

Для развития традиций характерны все возрастающие трудности их передачи от старого к молодому поколению вследствие все большего накопления трудового опыта и знаний. Особенно большую роль в этом играет просвещение, дающее молодому поколению гораздо более широкий кругозор, возможность выхода из рамок семейного, родственного и сельского коллектива. Этот процесс особенно усиливается в современную эпоху, когда новое поколение крестьян покидает традиционную социально-бытовую и культурную среду. В результате создаются сложные противоречия между двумя поколениями — старшим и младшим.

Но противоречия существуют и внутри самих поколений, и этим объясняется различное отношение к традиции и разная степень ее восприятия в пределах одного поколения²⁵.

Развитие традиций основано на сосуществовании архаических, более новых и совсем новых форм. В обычаях наблюдается синхронность элементов, которые появились в различные социально-экономические эпохи, но исполняли почти одну и ту же функцию²⁶.

Современное состояние традиционных обычаев — одна из закономерностей исторического развития традиционной народной культуры. Многие из обычаев, противоречащие мировоззрению нового поколения, исчезают из быта. Но известная их часть остается и существует, что обусловлено психическими факторами. В процессе унаследования прежде всего передаются и сохраняются положительные элементы народной традиции, которые получают новую интерпретацию и не противоречат мировоззрению их современных носителей.

Развитие народных обычаев показывает, что не все то, что является в них созидательным началом, существует как самостоятельная ценность. Обычно это позитивное начало находится в диалектическом единстве с некоторыми отрицательными элементами обычаев. Проявление спонтанного интереса народных масс к народной традиции и к обычаям показывает, что они продолжают исполнять одну из основных своих

²⁴ K. Dobrowolski. Указ. раб., стр. 16—19; его же, *Studia nad życiem społecznym*, Wrocław, 1966, s. 111—196.

²⁵ J. Chałasiński. *Młode pokolenie chłopów*, Warszawa, 1938, t. I, s. 182—191; K. Dobrowolski. *Studia nad teorią kultury ludowej*, s. 55—56.

²⁶ Н. Стефанов, *Методологически проблеми на структурния анализ*, София, 1967, стр. 93—98.

функций, а именно — отражают эмоционально-эстетическое отношение ее носителей к исторической действительности.

Наиболее непосредственную связь обычаи имеют с общественным сознанием. С его идеологической стороны связаны взгляды, убеждения народных масс, а с психической — чувства, настроения, навыки и вкусы, устремления, которые ни в коем случае нельзя недооценивать при рассмотрении обычаев и обрядов. Идеологическая сторона направляет развитие и изменение обычаев, психическая же придает им специфику, эмоциональную насыщенность и богатство колорита. Здесь ярче всего проявляется социальная психология народа, место которой определяется прежде всего значимостью духовных факторов в жизни людей. Чувства, воля людей, их отношение к окружающей среде и природе проявляются в форме нравов, обычаев, традиций.

С эмоционально-психологическими переживаниями носителей обычаев и обрядов связана устойчивость традиций, даже в тех случаях, когда они лишены своей естественной социально-природной и идеологической основы.

Между эмоционально-психологическими переживаниями человека и обычаями существует определенная связь и взаимозависимость, которая прослеживается с глубокой древности до настоящего времени. Психические переживания людей придают эмоциональную окраску обычаям, что, в свою очередь, влияет на чувства и настроения людей во время исполнения обрядов. Когда мы говорим об эмоционально-психологической стороне обычаев, не следует забывать, что сознание, воля, чувства — особое отражение материальной действительности²⁷.

В обычаях проявляется и индивидуальная психология. Однако содержание и характер обычаев раскрывают постоянную связь между индивидуальной и социальной психологией в силу того, что отдельный человек всегда живет в конкретной социальной среде. В обычаях проявляется социальная сущность человека²⁸. Поэтому при исследовании обычаев надо всегда учитывать психологию различных социальных групп²⁹. Обычай, раскрывая психическую основу поведения человека в коллективе, показывают вместе с тем и изменения индивидуальной и социальной психологии в историческом аспекте³⁰.

Психология носителей и исполнителей обычаев определяется в известной степени бытовыми и культурными особенностями различных общественных и этнографических групп³¹. И поэтому психологическое воздействие обычаев на человека неодинаково в этнографических микро- и макрогруппах.

Возрастные различия между членами одного коллектива также отражаются на психологической характеристике обычаев. Переживания старого и молодого поколений отличаются по своей силе и по степени воздействия на окружающих. Эти различия особенно ощутимы в период динамичного распада традиций, т. е. в настоящее время.

В народных обычаях самым непосредственным образом проявляется настроение людей, которое является импульсивно-эмоциональным состоянием личности, целого коллектива³². Коллективное настроение

²⁷ К. А. Уледов, О философской методологии и конкретных методах социально-психического исследования. сб. «Методологические вопросы общественных наук», М., 1966, стр. 59; Н. Мизов, Указ. раб., стр. 37; Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 111.

²⁸ Н. Мизов, Указ. раб., стр. 38.

²⁹ Г. Плеханов, Избранные философские произведения, М., 1956, т. II, стр. 171, 247.

³⁰ Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 5—6, 9.

³¹ Ив. Хаджийски, Бит и душевност на нашия народ, София, 1940, 1945, тт. I, II; Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 88.

³² Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 113—114; И. А. Кривелев, К характеристике сущности и значения религиозного поведения. «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 23.

своей импульсивностью, массовостью и динамичностью оказывает при исполнении ритуалов наиболее непосредственное воздействие на людей. Через обычаи человек проявляет свое морально-оценочное и эстетическое отношение к действительности.

Обычаи влияют на две основные сферы чувств людей — элементарные и более высокие — эстетические и нравственные. В далеком прошлом, в первобытном обществе на передний план выдвигались элементарные чувства, которые удовлетворялись при исполнении обрядов. Тогда ярче выступала их непосредственная связь с трудовой деятельностью человека. Чем больше развивается общество и чем богаче становится духовная жизнь людей, тем больше обычаи начинают удовлетворять высшие чувства — эстетические и нравственные³³.

Народные обычаи и обряды своеобразно отражают одну из областей бытового сознания людей. Так, обрядовое подрезание веток деревьев и виноградных лоз в Трифонов день (14 февраля) раскрывает причинную связь между подрезанием и урожаем. Эта причинная связь известна исполнителю обычая, который передается из поколения в поколение и на практике закрепляет умение правильно подрезать. Однако на уровне бытового сознания люди не могут еще объяснить, почему подрезание благоприятно отражается на плодородии деревьев и виноградников. Это объяснение можно дать только на основе высшей формы сознания — теоретического мышления, которое не проявляется при исполнении обычаев и обрядов³⁴.

То, что обычаи и обряды связаны преимущественно с бытовым сознанием людей, в значительной степени определяет их характер и их место в историческом развитии общества. Бытовое сознание отражает житейский опыт, мудрость людей и поэтому имеет относительно ясно очерченный, исторический характер и содержание. Отсюда и обычаи носят определенный исторический и этнический характер, что отличает их от обычаев других народов. С бытовым сознанием связана и значительная устойчивость содержания, функции и формы обычаев.

Когда мы говорим об обычаях, то следует иметь в виду то важное обстоятельство, что они образуют системы, которые, как уже было сказано, развиваются по своим внутренним законам. Например, свадебные, похоронные, родильные обычаи образуют отдельные системы, подобную же систему составляют календарные обычаи и обряды, а также трудовые.

Субординация отдельных компонентов обычаев, последовательная связь между ними во время их исполнения, комплексы обрядовых действий, которые могут быть выделены в данной системе обычаев, раскрывают их структуру, т. е. взаимосвязь между их элементами. Структурное изучение и сравнение обычаев позволяет установить сходство и различия, специфику явлений, т. е. типологию обычаев.

Структурный анализ системы обычаев позволяет исследовать их в двух аспектах: синхронном и диахронном. По этому вопросу в науке существуют самые различные мнения и терминологические расхождения³⁵.

Синхронное исследование данной системы обычаев раскрывает их пространственные связи и статическое состояние, раскрывает типологию обычаев, дает возможность построить формальные структурные моде-

³³ Н. Мизов, Указ. раб., стр. 38.

³⁴ Там же, стр. 38—39.

³⁵ В. Н. Садовский, Системы и структуры как специфические предметы современного научного знания, сб. «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965, стр. 41—43; Н. Стефанов, Указ. раб., стр. 93—98; его же, Теория и метод в обществознании, София, 1955, стр. 135—155; его же, Социологическа структура и структурна социология, «Изв. Ин-та философия», София, 1965, кн. XI, стр. 13—14.

ли³⁶. Диахронное же изучение учитывает развитие и изменение, отмирание одних и возникновение других элементов в определенный исторический период. Оно включает и сравнительный анализ. Диахронное исследование дает возможность раскрыть и возникновение данной структуры и системы.

Благодаря структурному изучению обычаев можно раскрыть функционирование всякой системы, т. е. соответствующие связи и формы поведения, проистекающие из внутренне-структурного содержания всякого обычая³⁷. Структурное рассмотрение обычаев и восприятие их как системы позволяет изучить законы их развития, диалектическую их связь с другими сферами народного быта. То же следует сказать и о более детальном раскрытии особенностей закона традиции, заключающемся в преемственности и обновлении.

Изучение закономерностей развития и изменения народных обычаев и обрядов имеет важное значение для правильного понимания народной культуры.

И сейчас, когда в Болгарии особенно остро встал вопрос об отношении к культурному наследству, к традиции как средству патриотического воспитания, нужно критически изучить обычаи и обряды и положить из них сделать достоянием будущих поколений.

SUMMARY

The author's aim is to examine certain general problems of the evolution of customs and rituals on the base of Bulgarian data. The structural method and system theory as also the historical method of research help to determine the regularities of the genesis and the cultural-historical evolution of customs and their place within the traditions and cultural heritage of a given people. Systems and definite models may be constructed by the aid of structural examination of custom and ritual. By means of model designs, in their turn, the inner regularities of the structure or system itself may be uncovered.

Such investigation of various customs and rituals shows up their connections with other spheres of life of a people or of a smaller ethnographic group; it also throws light upon other no less important aspects — those of the emotional-aesthetic and moral evaluation: these are related to the attitude of the performers and ritual participants themselves.

All this leads us to a definition of the general law of the evolution of traditions considered as a process in which inherited, modified, and newly created elements evolve in dialectical unity.

³⁶ Н. Стефанов, Методологически проблеми на структурния анализ, стр. 97; J. Viet, Les méthodes structuralistes dans les Sciences Sociales, Paris, 1965, pp. 5—8, 233—235.

³⁷ С. Лэви-Страусс, La notion de structure en ethnologie, Paris, 1958, pp. 303—352; Т. А. Колева, По някои въпроси от проблематиката на южно-славянските обычаи при сеитба, «Известия на етнографския институт и музей», София, 1967, кн. X.